

RU

Сплав образа и мысли, составляющий творческую основу художественно-публицистических образов в очерках Мустая Карима

Ахмадиев Р. Б.

Аннотация. Цель исследования - выявление идейно-содержательной природы произведений М. Карима, написанных в очерковом жанре. Предметом анализа являются лично-творческие портреты К. Симонова, М. Дудина, Р. Гамзатова и М. Турсун-заде, классиков советской поэзии. Научная новизна исследования определяется тем, что автор, новаторски расширив жанровые возможности очерка, синтезирует в нем личностные качества героя и его творческое кредо, жизненные принципы. В результате показано, каким образом их характерные черты в связи с общественной и творческой деятельностью становятся образным смысловым центром изображения и ядром при преобразовании фактов и ситуаций в художественно-публицистический образ.

EN

Fusion of Image and Thought Forming the Creative Basis of Fictionalised Journalistic Images in Mustai Karim's Sketch Stories

Akhmadiev R. B.

Abstract. The purpose of the study is to identify the ideological and content-related nature of M. Karim's works written in the sketch story genre. The subject of the analysis is the personal and creative portraits of K. Simonov, M. Dudin, R. Gamzatov and M. Tursunzoda, classics of Soviet poetry. Scientific novelty of the study is determined by the fact that the author, having innovatively expanded the genre potential of the sketch story, synthesises a character's personal qualities and his artistic convictions, life principles in a sketch story. As a result, it has been shown how their distinctive features in connection with social and creative activities become the figurative semantic centre of depiction and the core when transforming facts and situations into a fictionalised journalistic image.

Введение

Актуальность темы исследования. Художественная публицистика М. Карима, как и поэзия, драматургия, проза, занимает особую страницу в творческой биографии писателя. Им написано около двух десятков портретных очерков. Эти сочинения, образующие лично-творческие портреты названных поэтов, требуют специального изучения. Подготовленная нами статья является одной из первых работ в этом аспекте, т.к. имеющиеся публикации носят больше обзорный характер, чем аналитический (Акназарова, Ахмадиев, 2002; Ахмадиев, Кашфеева, 2010; Ахмадиев, 2016; Писатели земли башкирской, 2006). Типологический анализ содержания и структуры очерков М. Карима позволяет определить эти произведения как художественно-публицистическую летопись жизни нашего народа и страны 1940-х – 2010-х годов.

Основная задача исследования – определение приемов и средств, способствовавших созданию образов героев в единстве выражения образного и аналитического.

Теоретической базой исследования послужили труды П. П. Каминского (2007), Г. В. Колосова (1977), А. В. Полонского (2008), Ю. И. Суровцева (1986), разработавших теорию публицистики, предоставляя ей статус особого вида творческой деятельности. Ценными являются сделанные ими выводы, согласно которым публицистика является переходящим явлением, представляющим собой синтез публицистического и художественного способов мышления (Каминский, 2007, с. 211; Писатели земли башкирской, 2006, с. 117-122).

Практическая значимость исследования заключается в том, что рассматриваемый в статье материал может быть использован при целостном изучении творчества М. Карима, а также при написании истории башкирской публицистики.

Основная часть

В центре проведенного нами анализа – очерки, в которых М. Карим ведет заинтересованный и любовный разговор о мастерах поэтического слова. Писатель, обладающий богатым личным опытом работы над очерковыми произведениями, проявлял постоянную заботу об обеспечении в них особого сплава образа и мысли. Личностно-творческий портрет, который основывался на таком сплаве, предоставил автору возможность рассказать о человеке больше, чем он сам знает, тем более читатель.

В этом отношении имеет особый смысл очерк «О Расуле Гамзатове». М. Карим, приступая к разговору об этом поэте, не считает необходимым приводить попутно какие-либо отступления или замечания по ходу создания творческого портрета аварского поэта. Он строит свое повествование на непосредственном изложении своих мыслей и фактов, а не на полемичности рассуждений и не на нетривиальности выводов.

Этим автор полагается на хорошее знание им самим жизни и творчества Расула Гамзатова, что дает основание повествователю рассуждать следующим образом: «По его стихам можно почувствовать не только тончайшие движения его души, но даже воссоздать внешний облик поэта. Такой силой обладает искренность и достоверность его поэзии», – замечает М. Карим (1988, с. 142) и делает такой вывод: «...талант и мастерство Расула Гамзатова особенно засверкали еще потому, что он живую водой современности окропил так называемые “вечные темы”: любовь, дружбу, долг, верность...» (с. 142).

М. Карим (1988) отмечает, что рано коснулось его крылом Пегаса вдохновение, пробудив в нем дар стихотворца. Очень рано пошел Расул по стопам своего отца, народного поэта Дагестана Гамзата Цадасы. С тех пор началась работа души и сердца, работа, подчинившая себе всю его сущность. С тех пор изумляет Мустафу Сафича, как он сам признается в этом, его власть над своим буйным, искрометным талантом. Он заставляет талант трудиться, не бояться перегрузки. Труд не дает покоя и передышки и за «шумным застольем, и за тихой дружеской беседой, и в мимолетном разговоре, и в ответе на случайный вопрос» (с. 147). Покой таланта – понятие, для него неприемлемое. Он поет как соловей, не обнаруживая своего местонахождения и, разумеется, не ведя счета своим песням.

Так получилось, что в интерпретации публициста образ Расула Гамзатова обрывает новым, доселе неизвестным качеством – соловья-труженика.

У Расула Гамзатова есть такие строки, где пока что молодой поэт задается вопросом:

«Скажи, народ мой, правды не тая,
В моих стихах жива ль душа твоя?» (Цит. по: Карим, 1988, с. 145).

Такими стихами Расул Гамзатов пошел в свой родной аварский народ, и тот принял его. Об этом рассуждает М. Карим (1988): «Творчество Расула Гамзатова самобытное, подлинно национальное по своему облику и складу. Его корни уходят вглубь духовного бытия горцев – прежнего и современного. От сложных систем образов до незначительных деталей в нем присутствуют ярко национальное мышление и эстетическое воззрение» (с. 146).

Как признается автор очерка, ему иногда кажется, что поэт с жадностью и азартом открывает свой народ для себя, познавая его самозабвенно, любит его им. И высказывает свое личное, сокровенное: «Со своими книгами и всем своим человеческим существом вошел Расул в мой мир, в сердца моих сородичей» (Карим, 1988, с. 147).

Стремителен и убедителен был взлет Расула Гамзатова в поэзии. Чем упорнее он продолжал свое восхождение, чем глубже проникал в гущу народной жизни, отмечает М. Карим, тем ближе становились великие и малые заботы страны и мира, тем задумчивее и мудрее звучал его голос. И ему любая высота не была препятствием.

Вместе с тем вершины завоеванной Расулом Гамзатовым высоты – это открытие перед всем миром своего народа, восхищение и художественное воссоздание его характера. Это и есть главное качество портрета, гражданина и поэта Расула Гамзатова – явления в аварской, российской и всей мировой литературе.

В очерке, посвященном К. Симонову («Воспоминания у кромки моря»), присутствует такой забавный эпизод. На одном из банкетов, организованном в честь советских и зарубежных писателей, К. Симонов знакомит присутствующих с М. Каримом (1988), делая такое заявление: «...он, как я, комбайн: поэт, драматург, прозаик». В ответ тот скажет: «Я не комбайн, а, пожалуй, гусь, который немного ходит, немного плавает, немного летает...» (с. 95).

В данном случае слово «комбайн», по замыслу автора очерка, приобретает метафорический смысл, становится образной деталью, олицетворяющей многогранность таланта самого К. Симонова. А его слова, обращенные М. Кариму с некоторым авансом, подтвердились полностью – спустя годы адресат утвердил себя писателем многогранным, с широким спектром творческих возможностей: многотемным, многожанровым, разностилевым.

М. Карим, воссоздавая знакомые ему картины прошлых лет, разные жизненные обстоятельства, межличностные отношения, в т.ч. собственные со своими друзьями-писателями, исповедуется редко и, если делает это, то по совести, честно. Например, как в случаях, связанных с А. Твардовским и К. Симоновым. Исповеди М. Карима, как он сам признается, вызваны к жизни осознанием своей гордости и ответственности за пребывание рядом с этими великими творцами XX века в едином писательском цехе, за их талант, за дружбу и, самое главное, за гуманизм, проявленный в отношении к нему.

Присутствие этих людей, великих поэтов и гуманистов, в судьбе М. Карима стало для него большим праздником, богатством и счастьем. Не секрет, что в благодарность им, во имя их вечной памяти поэт написал свои знаменитые очерки-портреты «Его присутствие» (А. Твардовский) и «Размышления у кромки моря» (К. Симонов).

В монологе, обращенном одновременно К. Симонову и читателям, предстает образ человека и поэта, обремененного истинно прометеевой миссией: «Ты, пишущий воспоминания, должен более или менее точно

определить для себя, кем приходится тебе тот, о ком ты решился говорить и осмелился судить, – друг, приятель, товарищ или просто Человек, который прошел по этой земле, наделив тебя своей светящейся частицей, который для тебя “весь не умер”. Ему я мало отвечал делом. Но в том у меня нет угрызений. Ибо у нас не равны были силы и возможности. Я всегда был ему преданно благодарен. И это немалый ответ» (Карим, 1988, с. 93).

Следует подчеркнуть, что выбор М. Каримом предмета изображения реальных героев, описание отдельных, вместе с тем значительных страниц их гражданской и творческой биографии создали благоприятные условия для проявления авторского «я» в публицистической типизации характеров и обстоятельств.

Очерк «Дудин мне говорил...» М. Карим написал, по его собственному признанию, «по случаю шестидесятилетия поэта». По признанию автора, шестьдесят лет поэт живет прочно, основательно, сорок лет работает со словом так же, как живет. Автор вначале касается биографических частных, но основное внимание уделяет единству личности и творца в М. Дудине.

«Волне, баркасу и веслу –
Отчаянному ремеслу –
Не изменю вовек» (Цит. по: Карим, 2015, с. 173), –

так пишет поэт, выражая свою верность морю. Эти строки были созвучны человеческой сущности Дудина, для которой верность – высший принцип, высшая добродетель.

«Первое чувство, которое он проявил ко мне, как я понял, было сострадание, – пишет М. Карим (2015). – Тогда, в 1947 году, о моей болезни знали многие, в том числе Дудин» (с. 173-174). Посещение Башкирии сам поэт объяснит желанием проявить сострадание, сочувствие больному другу. Вскоре неожиданно с болью скажет: «До приезда сюда я закончил новую поэму о войне, о нас... В моей поэме ты погибашь...» (с. 174).

Только по истечении десятка лет тот поймет, что Дудин приехал не просто переводить его книгу стихов – «Цветы на камне» – первую на русском языке, но и подставить свое плечо под его сильно покосившуюся жизнь. М. Карим (2015) о творчестве и нравственных убеждениях своего друга позднее скажет: «...это жить, творить, совершать поступки не назло злу, а во славу добра... Я крайне редко встречал людей, умеющих дружить так непринужденно, сдержанно и талантливо, как Михаил Дудин...» (с. 181). М. Карим, перелистывая каждый раз книги М. Дудина, убеждается в том, что его стихи рождены по зову – по зову мгновения или судьбы. Тут все, по определению автора очерка, основательно и прочно. «От молодости сохранилось легкоранимое отзывчивое сердце, от бойца переднего края – твердая воля, а раздольную натуру он унаследовал от далеких своих предков – озорных и разудалых скоморохов Дудиных» (с. 182).

В некоторых сочинениях о поэтах-современниках М. Карим (2015) приводит в качестве эпиграфа к повествованию отрывки из произведений этих мастеров слова, будущих героев очерка. В этот раз – о «возводящем мост» Мирзо Турсун-заде, с таким эпиграфом:

«Собеседник орлов,
Ты всходил на гряде,
На ладони держа
Молодую звезду» (с. 185).

В образе этого поэта, собеседника орлов, несущего на протянутой руке яркую звезду новой таджикской литературы, представлен сам Мирзо Турсун-заде. Человек, чье слово и имя к тому времени стали частью общих духовных завоеваний народов нашей страны. Автор очерка уподобляет приход М. Турсун-заде в литературу отсвету далекой молнии, что возвестило о его славе всему миру, о его сочной и обильной поэзии.

«Поэт будто шел к нам не прямо из своей Гиссарской долины, – пишет М. Карим (2015), – а сперва совершил многотысячный и многовековой путь назад, вглубь Востока, потом, снова одолев Гималаи, повернул на Запад. И он, вместивший в своем сердце таджикскую радость и индийскую печаль, достиг других, иноязычных пределов» (с. 185). Поэт хорошо знает, что «плач бывает суров, плач бывает жесток, но никто так не плачет, как плачет Восток» (с. 186). Юное, восходящее счастье нового Востока и невыплаканные слезы старого Востока стали сутью творчества выдающегося поэта, считает Мустафа Сафич.

Его искренние слова и глубокие мысли, рассуждения и выводы во взаимосвязи с неброскими сравнениями, незаметными красками дают понять истинность поэзии Мирзо Турсун-заде, ее национальные, таджикские корни. М. Карим (2015) размышляет: «Когда я зачарованно слушаю шелест листьев дерева поэзии, выращенного Мирзо Турсун-заде, то непременно ощущаю, что корни его находятся в Каратаге, на Памире – земле его отцов. Этим только можно объяснить всенародную известность имени и творчества поэта на его родине, ту любовь и почести, которыми окружена его личность» (с. 186).

Вместе с тем счастливую творческую судьбу таджикского поэта автор очерка обосновывает тем, что любовь соотечественников к нему перешла в признание других народов. Говоря о поэзии Мирзо Турсун-заде, публицист высказывает такую заветную мысль, что слагать стихи на языке, который благодаря волшебству великих мастеров почти стопроцентно стал подвластен поэтическому слогу, пожалуй, не так трудно. Являясь поэтом таджикско-персидского языка, невозможно быть схожим с великими Рудаки, Саади, Хайямом, Хафизом – этими титанами, которые проникли в тайны человеческой души, постигли природу страстей, познали глубины разума. Но нельзя быть поэтом вообще, не оставаясь самим собой, – вопросы, относящиеся ко всем представителям литературы всех времен и народов.

Особую ценность представляют при оценке творчества Мирзо Турсун-заде, его значения в литературах Востока слова М. Карима (2015), развивающие мысль о самобытности поэта. Автор решителен в вопросе о том, что М. Турсун-заде не стал эпигоном великих поэтов Востока и не вышел на неравный бой с ними, а явился великолепным и отважным связистом между двумя поэтическими эпохами. «От берега прошлого к берегу будущего он не пустился вплавь, даже не на ладье понесся, а медленно и уверенно пошел по мосту, сам же выдвигая его впереди себя» (с. 187).

Говоря о стиле поэтического творчества, автор очерка отмечает, что лирика М. Турсун-заде располагает к себе читателя своей эпической достоверностью. В такой поэзии не бывает надрыва чувств, суетливости мыслей. Ей присуще неопределенное напряженное спокойствие. Но внешняя сдержанность, неторопливость внутреннего взора поэта, не столько открытость, а обнаженность его сочувствующего, страдающего сердца.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ портретных очерков, принадлежащих перу М. Карима, свидетельствует о том, что написанные в указанной жанровой форме произведения составляют внушительный пласт в публицистическом творчестве писателя. Информационным поводом для их появления стали различные события, обстоятельства общественной жизни и события субъективно-личного плана, которые были определяющими в быту и творческой деятельности героев. Это съезды партии, писательские форумы, знаменательные даты, юбилеи писателей, совместная работа в творческих организациях, обсуждение и выход в свет новых книг, годовщины Победы в Великой Отечественной войне, ну и грустные моменты – уход из жизни тех или иных писателей.

В центре повествования в очерках, рожденных талантом и вдохновением М. Карима, – творческие личности, к творческому кредо которых автор выражает отношение писателя, умудренного большим житейским опытом и значительной писательской практикой, к тому же будучи одним из руководителей писательской организации России. Автор очерковых произведений также заинтересованно повествует о состоянии дел в российской многонациональной литературе, указывая на достижения отдельных жанров. Не обходит без внимания промахи при создании современного героя, овладении молодыми писателями творческой индивидуальностью.

Перспективы дальнейшего исследования связаны со всесторонним исследованием публицистического наследия М. Карима, которое знаменуется богатством тематики, многообразием жанров и стилей.

Источники | References

1. Акназарова Д. З., Ахмадиев Р. Б. Публицистика Мустая Карима // Научный прорыв - 2002: сб. науч. тр. конф. ученых Республики Башкортостан, посвященный Году здоровья, 70-летию БГМУ и Дню Республики. Уфа, 2002.
2. Ахмадиев Р. Б. Публицистика Мустая Карима: к постановке проблемы // Актуальные вопросы университетской науки: сб. науч. тр. Уфа: РИЦ Баш. ГУ, 2016.
3. Ахмадиев Р. Б., Кашфеева Э. И. Публицистика Мустая Карима // Проблемы востоковедения. 2010. № 3 (49).
4. Каминский П. П. Принципы исследования публицистики на современном этапе // Вестник Томского государственного университета. Серия «Филология». 2007. № 1.
5. Карим М. Притча о трех братьях. М.: Современник, 1988.
6. Карим М. Сочинения: в 11-ти т. Уфа, 2015. Т. VI. Воспоминания, литературные портреты.
7. Колосов Г. В. Публицистика как творческий процесс. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.
8. Писатели земли башкирской: справочник / сост. Р. Н. Баимов, Г. Н. Гареева, Р. Х. Тимергалина. Уфа, 2006.
9. Полонский А. В. Публицистика как особый вид творческой деятельности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. № 1.
10. Суровцев Ю. О публицистике и публицистичности // Знамя. 1986. № 4.

Информация об авторах | Author information

Ахмадиев Риф Бариевич¹, д. филол. н., проф.

¹ Башкирский государственный университет, г. Уфа

Akhmadiev Rif Barievich¹, Dr

¹ Bashkir State University, Ufa

¹ rif.akhmadiev@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.03.2022; опубликовано (published): 31.05.2022.

Ключевые слова (keywords): очерк; художественная публицистика; жанр; стиль; типизация; sketch story; fictionalised journalism; genre; style; typisation.